

Дискуссии

УДК 94(470)''11''(045)

А.С. Ищенко

НАСКОЛЬКО XII ВЕК ДРЕВНЕЙ РУСИ БЫЛ «ДОЛГИМ»?

Идея непродолжительных и долгих веков достаточно прочно вошла в современную историографию, в том числе и российскую. В отношении Древней Руси, ее XII столетия данная идея впервые была применена А. С. Щавелевым, определившим продолжительность «долгого XII века» от эпохи Ярослава Мудрого до монголо-татарского нашествия. Сочтя попытку такого расширения хронологических границ XII в. неудачной, Н. Д. Николаева предложила ограничить «долгий XII век» Древней Руси 1096/1097–1204/1205 гг., то есть временем от подготовки и проведения Любечского съезда до гибели Романа Галицкого – событий, соотносимых ею соответственно с началом в Европе крестоносного движения и завоеванием крестоносцами Константинополя. В данной статье высказываются сомнения в справедливости такого соотнесения. Показано, что ни Любечский съезд, ни тем более гибель Романа Мстиславича не имели в истории Руси столь важного значения. Более естественными хронологическими границами «долгого XII века» Древней Руси признаются случившаяся в год «Великой Схизмы» смерть Ярослава Мудрого (1054 г.) и монголо-татарское нашествие 1237–1240/1241 гг., которое уже и само по себе было важным событием в мировой истории.

Ключевые слова: «долгий XII век», Любечский съезд, Крестовые походы, Роман Мстиславич, «завещание» Ярослава Мудрого, монгольское нашествие.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1087-1098

Идея неоднородности исторического времени и метафорическое толкование понятия «век» – как особого периода, заключенного между ключевыми переломными событиями, и лишь отчасти соотносимого с календарным столетием («долгие» и «короткие» века), достаточно прочно вошли в современную историографию, в том числе и российскую. Вслед за своими западными коллегами российские историки пишут о «долгом XVIII веке», «долгом XIX веке» и «коротком XX веке».

О применимости концепта «долгого века» к истории Древней Руси, ее XII столетию первым в отечественной историографии заговорил А. С. Щавелев. В небольшой исследовательской заметке, опубликованной в 2012 г., он определил следующие хронологические границы «долгого XII века»: вторая половина XI – первая половина XIII вв., то есть от эпохи Ярослава Мудрого до монголо-татарского нашествия. Историк считает, что это было время, когда на смену «дружинному государству» предшествующего периода пришла более прогрессивная система общественно-политического устройства, поступательное развитие которой оказалось прервано походами монголо-татар в 1237–1240 гг. [45]. Мысль, безусловно, интересная, однако обоснована она явно недостаточно. К тому же А. С. Щавелевым не берется в расчет внешнеполитический фактор, что, как заметила Н. Д. Николаева, «представляется неоправданным упрощением» [24, с. 17]. В самом деле, поскольку концепт «долгого века» является инструментом глобального видения истории, то, как поясняет далее исследовательница: «его границы ни в коем случае не должны быть закрытыми для внешнеполитического фактора и рассматриваться в масштабах “изолированной” истории отдельно взятой страны» [24, с. 17]. Наконец, предложенные А. С. Щавелевым хронологические границы «долгого XII века» представляются Н. Д. Николаевой «чрезвычайно долгими» [24, с. 16]. Сама же идея применимости данного концепта к истории Древней Руси оценивается как весьма продуктивная.

Так, соотнеся события, разворачивавшиеся на Руси с конца XI по начало XIII в. с практически синхронными им процессами в Западной Европе, Н. Д. Николаева пришла к выводу, что период «долгого XII века» следует ограничивать временем 1096/1097–1204/1205 гг. Поясняя далее, исследовательница пишет: «Нижняя временная граница определяется такими реперными событиями, как подготовка и проведение Любечского съезда (1096–1097), ставшего поворотным пунктом в политической истории Руси и проходившего на фоне Первой крестоносной кампании в Европе. Маркером верхней границы являются завоевание Константинополя крестоносцами и последовавшее за ним резкое ухудшение отношений Руси со странами Латинской Европы (1204–1205). Рубежный характер верхней хронологической границы проявляется в ряде почти синхронных событий, ознаменовавших наступление новой

эпохи в отношениях между Русью и Западом. Гибель Романа Галицкого от рук вчерашних союзников и близких родственников стала первым сигналом...» [23, с. 10–11]. На первый взгляд выглядит вполне убедительно. Но при более внимательном рассмотрении возникают определенные сомнения, а именно – действительно ли княжеский съезд в Любече и смерть князя Романа Мстиславича имели столь судьбоносное значение, которое сопоставимо с началом крестовых походов и взятием крестоносцами Константинополя? Думается, что нет. Но обо всем по порядку.

Итак, в 1097 г. русские князья, а именно киевский князь Святополк, Владимир Мономах из Переяславля Южного, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич и два Святославича – Давыд и Олег, задавшись вопросом «почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати», собрались в Любече «на устроенье мира». В итоге ими было принято решение, что «да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыя земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожоу, Давыдь и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же роздаяль Всеволодь города: Давыду Володимеръ, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василкови». И на том целоваша крестъ: «Да аще кто отселе на кого будеть, то на того будем вси и крестъ честныи»» [26, стб. 257]. Историками данное решение оценивается по-разному. Рассмотрев сложившуюся с середины XIX в. историографическую традицию, Д. М. Котышев пришел к следующему выводу: «исследователи либо приписывают съезду значение эпохального события, радикально повлиявшего на политическую историю Руси, либо, напротив, были склонны считать Любечский съезд мало значимым событием политической истории конца XI – начала XII в.» [16, с. 143]. Можно, впрочем, встретить и компромиссное, более взвешенное отношение к любечским постановлениям [12, с. 109–111, 117]. Но доминирует взгляд на них как на реформу, повлиявшую на политическое развитие Руси весьма существенно. Такого же мнения придерживается и Н. Д. Николаева. По ее оценке, принятое в Любече решение «изменило политическую карту Руси – единая государственность была ликвидирована. Согласие между “держателями своих отчин” должно было осуществляться путем консолидации сил всех князей против мятежников» [24, с. 35]. Данное решение рассматривается при этом в качестве части доктрины, сформулированной Владимиром Мономахом: «обеспечение эффективного военного взаимодействия княжеств в борьбе со Степью путем частичного отказа от лествичного права и перехода к конфедеративному политическому устройству на договорных началах. Именно эти идеи, – подчеркивает автор, – Владимир и проводил на Любечском съезде 1097 г.» [24, с. 39].

Представление о Владимире Мономахе как инициаторе или «идейном вдохновителе» Любечского съезда является в историографии фактически общепринятым и особых возражений не вызывает. Что же касается оценки значимости Любечского соглашения, то, думается, правы те историки, которые полагают, что ничего «революционного» или «эпохального» в нем вовсе не было. Еще В. О. Ключевским было подмечено, что «съезд не давал постоянного правила, не заменял раз навсегда очередного владения раздельным, рассчитан был только на наличных князей и их отношения, а так как это были все дети отцов, между которыми разделена была Русская земля по воле Ярослава, то легко было восстановить этот раздел и в новом поколении князей так, что территориальные их отчины совпадали с генеалогическими» [14, с. 168]. На это же позднее обращали внимание И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко: «Примирение, провозглашенное в Любече, касалось определенных лиц и потому устанавливалось на какое-то близко обозримое время, т. е. время их деятельности. Вот почему решения Любечского съезда нельзя распространять на последующие времена, как узаконившие новый политический порядок и принципы владения волостями, а тем более видеть в них решения, “определившие судьбы Киева на несколько столетий”. Поступая так, исследователи придают княжескому съезду несвойственное ему эпохальное значение» [43, с. 91]. Наиболее близкой к истине мысль Ключевского кажется и украинскому академику П. П. Толочко. Комментируя решения Любечского съезда, он, в частности, писал: «внуки узаконили фактически тот порядок наследования столов, который был введен завещанием их знаменитого деда Ярослава. Возможно лишь формула коллективной ответственности за его несоблюдение выглядела несколько размытою. Ведь согласно завещанию Ярослава, верховным судьей в междукняжеских отношениях был великий киевский князь, как старейшина всех русских князей. В Любече эта формула не нашла подтверждения. Судя по всему, она и не обговаривалась. Очевидно поэтому, что принцип старейшинства Ярославовыми внуками не ставился под сомнение» [39, с. 12].

Британские историки С. Франклин и Д. Шепард также считают, что Любечское соглашение «как зеркало, отразило, через голову поколений, завещание Ярослава», что «Ярослав увидел бы здесь следы

того династического порядка, который он сам же и установил» [41, с. 389, 419]. При этом, как и в случае с так наз. «завещанием» Ярослава Мудрого, текст которого в его нынешней формулировке является литературной конструкцией [41, с. 391–392; 38, с. 174–177; 51, р. 162–163], С. Франклином и Д. Шепардом справедливо было подмечено: «дошедшие до нас формулировки Любечского соглашения содержат не меньше загадок, чем ценных разъяснений. В нем нет и речи об устройстве на будущее, не объяснены его же собственные условия, отсутствует вразумительное объяснение порядка старшинства» [42, с. 419]¹. Поэтому, собственно, и не удивительно, что это соглашение трактуется порой совершенно по-разному. Но, согласимся с британскими исследователями, «эти вопросы не так мучительны, как кажется историкам. Подобно завещанию Ярослава, Любечское соглашение было скорее документом, рассчитанным на свое время, а не генеральным постановлением. Оно представляло собой простой договор, а не политический трактат. В нем сочетались элементы принципиальных устоев с импровизационным началом, вызванным необходимостью. Это была новая стадия в приспособлении обычая и заповеди к жизни, которая не стояла на месте. Не всегда в нем сходятся концы с концами, но оценивать это соглашение следует не с точки зрения теоретических тонкостей, а в связи с теми конкретными проблемами, которые оно было призвано разрешить» [42, с. 420].

Но для чего же собирался Любечский съезд и какие из стоявших перед ним задач были решены? Если мы посмотрим на предшествовавшие ему события, то увидим, что общерусский княжеский съезд был вызван, говоря словами А. В. Назаренко: «необходимостью решить трудный вопрос об инкорпорации Святославичей в политическую систему Руси после силового возвращения в Чернигов в 1094 г. Олега и Ярослава Святославичей, а также после смуты, начавшейся вследствие отказа Олега участвовать в общерусской борьбе против половцев. Суть дела, разумеется, заключалась не в альтернативе, отдавать или не отдавать Чернигов Олегу либо Святославичам в целом (Мономах уже сделал это), а в том, чтобы определить общие контуры политико-династического порядка на Руси после завершения эпохи Ярославичей, порядка, который создал бы основу для единства внутри княжеского семейства и совместных внешнеполитических действий – прежде всего против половцев» [19, с. 92]. То есть единственной внешнеполитической целью Любечского съезда было стремление добиться единения русских князей, необходимого в условиях нарастающей половецкой опасности [16, с. 142–143]. Это было возможно только при соблюдении принципа *status quo*. Поэтому съезд юридически закрепил сложившееся соотношение сил между князьями [28, с. 430]. Центральной внутривнутриполитической проблемой было при этом, как показал А. В. Назаренко, вовсе не провозглашение принципа отчинности, которым князья руководствовались уже и до съезда, а определение статуса Святославичей, точнее сказать его понижение – исключение их из череды киевского столонаследия [19, с. 93]. К такому же выводу (с некоторыми различиями) независимо пришли М. Димник [11, с. 14–20] и В. В. Пузанов [28, с. 434]. Наблюдения последнего получили затем развитие под пером Д. М. Котышева [16, с. 145–147]. О том, что в результате Любечского съезда «черниговские Рюриковичи были исключены из системы наследования великого княжения» [24, с. 56] пишет и Н. Д. Николаева. Но далее, обнаруживая непоследовательность, она замечает, что в 1113 г. великокняжеский стол должен был занять Давыд Святославич, «однако в Киеве оказался Мономах» [24, с. 52]. В этой связи его утверждение на киевском престоле признается нелегитимным, не соответствовавшим лестнице. Последнее действительно верно, но если исходить из того, что в Любече произошла замена генеалогической иерархии политической, то нелегитимным его считать все же нельзя. Даже если не брать в расчет гипотезу А. В. Назаренко о том, что «уже в Любече Мономах был обозначен в качестве преемника киевского стола» [19, с. 95], то следует иметь в виду, что киевский стол Владимир занял не самовольно, а по приглашению киевлян, будучи избран ими на «совете». Мономах, как подчеркивал в этой связи В. Я. Петрухин, «стал призванным, стало быть, легитимным князем» [25, с. 117]². Так или иначе, но задаваясь вопросом, «кто же выиграл в Любече?», исследователи чаще всего приходят к выводу, что, «в первую очередь – Владимир Мономах» [28, с. 434]. Н. Д. Николаева же солидаризируется с мнением Б. А. Рыбакова, который, по ее словам, был «совершенно прав», «высказав мысль о том, что

¹ Подробнее об этом см.: [1, с. 16–24].

² Добавим к этому, что о легитимности занятия Владимиром киевского стола в глазах современников может свидетельствовать не только сам факт его призвания и тон летописи, повествующей об этом, но и участие в церемонии встречи переяславского князя митрополита Никифора [13, с. 135–140]. Никакого противодействия вокняжению Мономаха на киевском престоле не заметно и со стороны княжеской братии. Святославичи выступали с ним даже заодно, а Ярослав Святополкович начал чинить «злобы» только после того, как Владимир в 1117 г. перевел из Новгорода в Белгород под Киев своего старшего сына Мстислава.

Любечский съезд не сделал Мономаха победителем», что Владимир потерпел в Любече «дипломатическое поражение» [24, с. 165]. И это при том, что на съезде была, по ее мнению, принята так наз. «доктрина Мономаха». Концы с концами, как видим, явно не сходятся.

О поражении Владимира Мономаха в Любече можно говорить, пожалуй, лишь в том случае, если исходить из того, что наследование киевского стола было ограничено по решению съезда только представителями династии Изяславичей и он, Мономах, больше не мог на него претендовать [29, с. 460]. Но это уже существенный домысел. Летопись, как справедливо заметил А. В. Назаренко, говорит «только об отчинном праве на Киев самого Святополка, но вовсе не об исключительном праве на Киев его потомства – об этом нет ни слова» [20, с. 176]. Да и Н. Д. Николаева в пользу такой трактовки Любечских постановлений не высказывается. Поэтому ее утверждение о «дипломатическом поражении» Мономаха на Любечском съезде повисает в воздухе.

Из всего сказанного следует, что съезд этот не так уж много и изменил, обозначив политическое доминирование Владимира Мономаха, который шел к закреплению власти за собственным потомством. Никакой ликвидации единой государственности также не произошло: таковой попросту не существовало. Это был, что называется, «семейный подряд». Власть принадлежала всему роду, который, можно сказать, и был государством [36, с. 9–10, 30–31; 51, с. 155–168]. Его особенность, по меткому наблюдению А. П. Толочко, состояла в том, что, не имея каких-то «вечных» законов, которые устанавливали бы правила на неопределенное будущее», «каждое новое поколение, находившееся у власти, снова и снова должно было восстанавливать себя как семью и улаживать свои семейные разногласия» [51, 165–166]. В Любече, однако, в полной мере уладить их так и не удалось. Вспыхнувшая после ослепления в том же 1097 г. Василька Тербовольского масштабная междоусобица продолжалась еще почти четыре года, пока наконец на Уветичском съезде 1100 г. не был достигнут компромисс. Только с этого времени между князьями установился мир, и они, наконец-то, смогли предпринять ряд совместных походов против половцев.

Столь же преувеличенной, как и значение в истории Руси Любечского съезда, видится в работах Н. Д. Николаевой и значимость фигуры князя Романа Мстиславича, смерть которого, напомним, выступает в них в качестве маркера верхней хронологической границы «долгого» XII в. Древней Руси. Этого отличавшегося буйным нравом в общем-то провинциального князя³ Н. Д. Николаева представляет фигурой масштаба Владимира Мономаха. Сходства обнаруживаются ею в том, что подобно своему великому предку – победителю половцев, «Архонту всея земли Русской»⁴ и автору принятого в Любече «нового политического устройства Руси», он совершает серию походов против половцев⁵, входит в летопись с титулом «самодержца Всея Руси»⁶ и также выступает в историографии автором нового

³ В источниках более или менее современных Роману именно таким, как заметил А. П. Толочко, он и предстает [33, с. 324; 34, с. 201–202].

⁴ На печатях Владимира Мономаха, на которые ссылается автор, такого титула, строго говоря, нет. Надпись на них читается иначе: «Печать Василия, благороднейшего архонта Росии, Мономаха» [47, с. 16; 48, с. 205].

⁵ В отличие от Владимира Мономаха, совершившего как минимум пять крупных антиполовецких походов (1103, 1107, 1109, 1111, 1116 гг.), у Романа таковых, судя по летописи, было всего два (1202 и 1205 гг.), причем, что характерно, сообщает о них только Лаврентьевская летопись [26, стб. 418, 420]. В Ипатьевской летописи походы Романа на половцев почему-то не упоминаются. Открывающий же Галицко-Волынскую летопись панегирик князю, прославляющий его как покорителя половцев, имеет позднее происхождение. Будучи навеян сообщениями летописи типа Лаврентьевской, он, как демонстрируют новейшие текстологические изыскания, принадлежал перу «волынского» редактора, отредактировавшего «галицкий» текст («летопись Даниила») где-то на рубеже 1280–1290-х гг., то есть уже в княжение во Владимире Мстислава Даниловича [3, с. 96]. Следует к тому же учитывать, что «летописные панегирики умершим князьям в развитом виде не являются целостным и оригинальным произведением, представляя собою более или менее удачную композицию из текстуальных блоков, уже встречавшихся до того в пределах той же самой летописи» [35, р. 26].

⁶ Заметим, что так его титуловал только «галицкий» летописец, причем лишь единожды – в открывающем Галицко-Волынскую летопись панегирике князю, имеющем характер вставки [37, с. 414–422; 3, с. 74–75, 96–97]. Сопоставление этого фантастического, пафосного титула Романа с прижизненным, «деловым» именованием Владимира Мономаха «архонтом Руси» едва ли корректно. Наиболее близкой параллелью в данном случае будет титул Владимира Святославича в «Сказании о Борисе и Глебе»: «самодръжьцю въсеи Руськеи земли» [30, с. 286], откуда он автором похвалы Роману, вероятнее всего, и был заимствован. Поэтому если и сравнивать титулатуру Владимира Мономаха и Романа Галицкого, то только титулование их обоих «великими князьями». О том, что никогда не княжившего в Киеве Романа летописец действительно так титуловал заставляет думать упоминание

политического порядка⁷. «Получается, – резюмирует исследовательница, – что в источниках, и в историографической традиции Владимир Мономах и Роман Мстиславич наделены характеристиками политиков широчайшего масштаба» [15, с. 416]. Разница заключается, по ее мнению, лишь в том, что «Владимир Мономах вошел в историю с позитивным имиджем, в то время как Роман предстает крайне противоречивой фигурой» [15, с. 416; 21, с. 128]. Причина этого сводится ею к тому, что в отличие от Мономаха, Роман просто не успел сформировать миф о себе, ему банально не хватило на это времени⁸. Но если бы его жизнь трагически не оборвалась в 1205 г. мы бы, – догадывается Н. Д. Николаева, – имели дело с еще одним «национальным героем» [21, с. 127].

Героизация Романа Мстиславича, изображение его более масштабной фигурой в истории Руси и Европы, чем он был на самом деле, в историографии в общем-то не новость. В трудах украинских историков такого рода преувеличенный взгляд на политику и фигуру Романа обуславливается, прежде всего, представлением об этом князе как «отце-основателе» «Галицко-Волынского государства» – эфемерного образования, просуществовавшего неполных шесть лет, которое украинская традиция, начиная с XIX в., числит первым собственно украинским государством. «Историческое значение Романа, – подчеркивал, в частности, С. Томашицкий, – <...> велико. Он был творцом первой национальной украинской державы, основу которой дала Галичина, первая украинская земля» [40, с. 89].

Впрочем, и до присвоения истории Галицко-Волынской Руси украинским национальным дискурсом, Роман вовсе не был обделен вниманием историков. Фигура его была сильно мифологизирована уже в польских хрониках [33, с. 291, 325–326; 34, с. 202; 9, с. 155–166, 238–245, 261], а благодаря их влиянию на формировавшуюся в XVIII в. российскую историческую науку – и в российской историографии⁹. В последней его возвеличивание можно проследить, начиная с «Истории Российской» В. Н. Татищева¹⁰, которая во многом и определила то, как российские историки стали смотреть на Романа Мстиславича, даже если и не были склонны безоговорочно ей доверять. Речь, в частности, идет о двух так называемых «татищевских известиях»: проекте государственного переустройства Руси, якобы предложенного Романом и сообщении о посольстве папы римского с предложением этому князю королевской короны. Последнее словно подтверждало его выдающийся государственный ум и дипломатические таланты, о которых можно было судить из первого.

Роман, согласно этому первому известию, стремился к установлению в Русской земле «добраго порядка»: на смену наследственной власти в Киеве должна была прийти власть выборная, судьба которой решалась бы шестью «старшими» князьями: суздальским, черниговским, галицким, смоленским, полоцким и рязанским. Кроме того, местным князьям впредь могли наследовать только их старшие сыновья, а младшим полагалось находиться у них в подчинении. Все это, по мнению Романа, должно

его с этим титулом за границами панегирика, а равно и его вдовы – «княгини великая Романова» [37, с. 416; 3, с. 75].

⁷ Характерна оговорка, что «автором нового политического порядка» Роман выступает только «в историографии». Однако в другом месте Н. Д. Николаева уже прямо пишет об «участии Романа Мстиславича в разработке новой системы государственного устройства Руси в условиях феодальной раздробленности», попытке «реинтеграции русских земель, предпринятой Романом Галицким» [15, с. 417; 24, с. 29]. Между тем о разработке Романом «новой системы государственного устройства Руси», предпринятой им попытке «реинтеграции русских земель» мы узнаем только из «Истории Российской» В. Н. Татищева, известия которой в данном случае весьма сомнительны. См. об этом ниже.

⁸ 30 лет княжения во Владимире-Волынском и 5 лет княжения в Галиче – срок, однако, как заметил А. В. Горовенко, «достаточно большой, чтобы найти книжника, подходящего на роль придворного летописца. Тем не менее Роман этим не озаботился» [9, с. 3–4]. У Владимира Мономаха, кстати сказать, времени для создания своего «позитивного имиджа» было отнюдь не больше, чем у Романа. От его вокняжения в Киеве и до завершения написанной (или переписанной) по его заказу ПВЛ прошло всего лишь около трех лет. Примерно тогда же, что и ПВЛ было закончено «Поучение» Владимира Мономаха. Впрочем, абсолютизировать пропагандистскую направленность всех этих текстов не следует. Летопись (труд в одном экземпляре, максимум – в двух-трех) была, сдается, не лучшим способом пропаганды.

⁹ В ней, однако, произошла инверсия «Романова мифа», превращение галицко-волынского князя из отрицательного героя в героя положительного.

¹⁰ А. В. Горовенко считает Романа «любимым героем» Татищева: «Положение Романа Мстиславича на страницах “Истории Российской” совершенно исключительное. Ни один другой древнерусский князь не удостоился такого внимания со стороны В.Н. Татищева, ни о ком другом не сообщается столько интересных и при это вполне уникальных сведений» [8, с. 238].

было обеспечить внутренний мир и эффективную защиту от внешних врагов. Однако другие князья, к которым он обращался, его не поддержали [32, с. 328–329]. Ход истории остался прежним. Единственное, на что повлиял этот проект – это восприятие князя Романа в историографии, ведь, как заметил А. П. Толочко, «не будь татищевской “Истории”, Роман Мстиславич фигурировал бы в современной историографии как любопытный персонаж, многолетний возмутитель спокойствия в Южной Руси, внесший свою лепту в падение авторитета Киева и киевского князя <...> Татищев же привел несколько текстов, из которых следовало, что Роман был государственным деятелем, мудрым реформатором, незаурядным дипломатом. Силуэт эпохи существенно изменился [33, с. 327–328]. При этом тот же А. П. Толочко убедительно показал, что проект «добраго порядка» вовсе не был археографической находкой Татищева. «Мысли, вложенные в уста Романа, на самом деле – излюбленные идеи самого Татищева», который скомпоновал проект Романа из собственных идей [33, с. 312, 314]. Такой же «мистификацией» оказывается, по наблюдению украинского ученого, и сообщение о посольстве к Роману папы Иннокентия III [33, с. 469–477]. Хотя и с сопротивлением, но большинством историков данные выводы были приняты.

Тем не менее «верующие» в Татищева остаются¹¹. Самой серьезной попыткой реабилитации сообщаемых им известий о князе Романи Мстиславиче стали труды А. В. Майорова. Подвергнув анализу контакты галицко-волынского князя с немецкими княжествами и восточную политику римской курии, он пришел к выводу об аутентичности и проекта «добраго порядка» [17, с. 27–77, 84–102, 111–125, 159–162]¹², и сообщения Татищева о папском посольстве в Галич [17, с. 163–190]. В отличие от других современных исследователей, А. В. Майоров, впрочем, использует едва ли не все «татищевские известия», касающиеся юго-западной Руси, причем делает он это зачастую некритически, «не обращая внимания на то, что многие из них появляются только во второй редакции “Истории Российской”» [46, с. 106].

Н. Д. Николаева в этом плане более осторожна. Она воздерживается от прямого признания достоверности «татищевских известий», но вместе с тем, «ввиду логичности их встраивания в общий политический контекст эпохи правления Романа Мстиславича» [24, с. 203], не удерживается и от их использования. Привлекая эти известия, она демонстрирует широту европейской политики Романа, ее грандиозные масштабы, за счет которых князь стремился укрепить свои позиции внутри страны [24, с. 135, 200, 203]. Нетрудно заметить при этом, что, анализируя внешнеполитические контакты галицко-волынского князя, исследовательница во многом следует за А. В. Майоровым. Как и последнему, проект «добраго порядка» видится ей сконструированным Романом «по западноевропейским лекалам – практике избрания короля и императора Священной Римской империи» [22], а наиболее вероятной причиной похода Романа в 1205 г. в Польшу – вовлеченность князя в борьбу между двумя немецкими династиями – Штауфенами и Вельфами [24, с. 75–78]. То есть «поход галицкого правителя был направлен не против Польши, его целью была Саксония, достичь которой князь намеревался, пройдя через польские земли» [24, с. 75]. Таким образом, масштабы европейской политики Романа (в особенности если исходить из того, что он ориентировался не только на Священную Римскую империю, но и на Византию [24, с. 203–207]) приобретают настолько значительный размах, что в контексте сколько-нибудь прочно установленных фактов из биографии этого князя такие представления о его деятельности выглядят, как заметил А. Б. Головки по поводу аналогичных рассуждений В. Т. Пашуто и А. В. Назаренко, «совсем нереальными» [5, с. 68; 7, с. 293–303]. По наблюдению А. В. Горovenko, приписываемый Роману замысел похода

¹¹ То, насколько сложно бывает расстаться с привычным образом Романа демонстрирует, в частности, позиция А. Б. Головки, считающего, что даже признание аргументов А. П. Толочко о связи проекта «добраго порядка» с политическими идеями Татищева «не является основанием для отрицания факта возможности разработки проекта князем Романом» [6, с. 239]. Апология Романа Мстиславича, впрочем, вовсе необязательно зиждется на признании «татищевских известий». У А. В. Горovenko в ход идут другие приемы: «трактовать неблагоприятные поступки всякий раз к пользе своего героя», а «поскольку все без исключения источники изображают князя в неблагоприятном виде, а иные – даже чудовищем, наиболее действенной апологией героя оказывается дискредитация источников» [34, с. 207–208]. Однако при такого рода подходе фигура галицко-волынского князя сильно теряет в масштабе. Получается «уже совсем иной герой: не выдающийся государственный деятель, а крупнейший политический авантюрист своего региона, беспринципный и целеустремленный, рвущийся к “большой игре” и всегда готовый пойти ва-банк: для таких людей ставка больше, чем жизнь» [8, с. 298].

¹² Пытаясь верифицировать проект «добраго порядка», А. В. Майоров находит ему параллель в проекте Вельфов 1198 г., изложенном в посланиях папы Иннокентия III, с которыми Роман мог ознакомиться, будучи в Эрфурте. Недостаток источников, однако, не дает возможности проверить этот тезис.

в Саксонию из реальных военных предприятий того времени, «сопоставим по своему масштабу только с крестовыми походами» [9, с. 104].

Так или иначе, но в 1205 г. в битве под Завихостом Роман Мстиславич погиб. Н. Д. Николаева полагает, что убийство князя «его недавними польскими союзниками» стало возможным лишь после такого эпохального события как захват в 1204 г. рыцарями-крестоносцами Константинополя [24, с. 82]. «Однако, – тут же уточняет она, – религиозный аспект в этом случае скорее стал поводом к ликвидации галицкого князя, нежели причиной, которая крылась в изменении политического курса Романа Мстиславича – в его ориентации на те силы, которые были в состоянии перманентной конфронтации с польскими элитами» [24, с. 82–83]. Уточнение весьма показательное. Тем не менее в своей периодизации «долгого» XII в. Н. Д. Николаева исходит из того, что 1204, год Четвертого крестового похода стал для отношений Руси и Запада рубежным. «Вплоть до Четвертого крестового похода принадлежность к Christianitas и на Западе, и на Востоке осознавалась значительно острее, чем межцерковные распри, существенно сглаживая противоречия» [24, с. 82]. И только «катастрофа 1204 г.» стала «точкой невозврата в процессе религиозного, политического и культурного раскола Европы»: диалог между Византией, Русью и Западом «полностью прекратился» [24, с. 29, 213; 22, с. 86]. Но действительно ли «эхо этого катаклизма» уже в 1205 г. «докатилось до Руси» и имело столь фатальные последствия? Едва ли. И дело здесь даже не в том, что гибель Романа, судя по всему, во многом была случайной¹³. Взятие крестоносцами Константинополя для Древней Руси, согласимся с Б.Н. Флорей, «не может рассматриваться как время какого-то решительного перелома в истории ее взаимоотношений с латинским миром» [41, с. 120]. Более или менее серьезные изменения в традиционной системе отношений между Русью и ее западными соседями наметились, по его наблюдению, лишь с 30-х гг. XIII в., «хотя решающего сдвига в сторону глубокой и всесторонней конфронтации между приверженцами двух конфессий в рассматриваемый период еще не произошло» [41, с. 151]. Произойдет этот «сдвиг», как было им убедительно показано, только во второй половине XIII в., уже после установления власти Орды над русскими землями [41, с. 174–185]. До этого же имело место даже сближение русских князей с Римом, на которое они шли, желая получить от латинских государств помощь против монголов [41, с. 152–170]. Но помощи, как известно, не последовало, и тенденция «к очень глубокой конфронтации» возобладала. К таким же выводам независимо пришел и Д. Линд, изучивший сначала имевшее место на ранних этапах Балтийских крестовых походов сотрудничество Руси со странами Запада в Прибалтике [49, s. 123–126], а затем – попытки папства мобилизовать против монголов европейскую периферию [50, p. 75–90]. Раскол между Древней Русью и латинским миром, таким образом, не был стремительным. Неслучайно, как заметил Б. Н. Флоря, отношения «взаимной терпимости и взаимного интереса» между светскими верхами Галицко-Волынской Руси и ее западных соседей сохранялись еще и во второй половине XIII в. [41, с. 220]. «Возможно, – считает Ю. А. Михайлова, – более продуктивно рассматривать события первой трети XIII века в комплексе, как поворотный период, включающий в себя и Четвертый крестовый поход, и Батыево нашествие, и другие события, вся сумма которых в конце концов и привела к расколу Европы» [18]. С таким подходом вполне можно согласиться. Падение Константинополя в 1204 г., конечно, стало важным событием, способствовавшим ухудшению отношений между Русью и Западом. Но, как и «Великая Схизма» 1054 г., оно имело «отложенные последствия», в полной мере проявившиеся только после завоевание русских земель монголами. Именно Батыево нашествие и установившееся в его результате иго, как справедливо заметил В. В. Пузанов, «разделило историю Руси на до и после. При этом после не только кардинальным образом отличалось от до, но и определило во многом последующий облик восточнославянской цивилизации» [27, с. 45]. Русь оказалась изолирована от Европы и, войдя в состав западного крыла Империи Монголов [10, с. 201–219; 31], из цивилизации европейского типа трансформировалась в цивилизацию смешанного, или так называемого «евразийского» типа [44, с. 234–235].

¹³ Лаврентьевская летопись так описывает обстоятельства гибели Романа: «...и ставше же нему над Вислою рекою и отъеха сам в мале дружине от полку своего. Ляхове же наехавше убиша и, дружину около его избиша, приехавше Галичане, взяша князя своего мртва, несомша в Галичь» [26, стб. 425]. А. Б. Головкин сделал отсюда вывод, что «галицко-волынский князь погиб во время рекогносцировки, и сражения между основными силами русской и польской армий не было» [4, с. 88]. Позднее историк уточнил свою точку зрения, высказав предположение, что «Роман Мстиславич мог погибнуть во время поиска удобной переправы через Вислу, когда он и его небольшой отряд неожиданно наткнулись на польское войско» [7, с. 307]. По оценке А. В. Горюхи, Роман «погиб в случайной стычке двух небольших отрядов» [9, с. 101]. Наконец, можно встретить точку зрения, что это случилось во время охоты, когда князь оторвался от своей дружины и попал в засаду [29, с. 495; 2, с. 488].

Таким образом, если мыслить в категориях «долгих» и «коротких» веков (что, впрочем, совсем не обязательно), то наиболее естественной верхней хронологической границей «долгого» XII в. видится именно время монгольского нашествия. Нижнюю границу определить сложнее. Вероятнее всего, ее следует искать в эпохе Ярослава Мудрого, точнее в ее завершении – разделе Русской земли Ярославом между своими сыновьями, провозглашенном им в «завещании». К этому документу, как было показано выше, во многом и восходят Любечские постановления, время выработки и принятия которых, совпавшее с Первой крестоносной кампанией, были приняты Н. Д. Николаевой за начало «долгого» XII в. Очерчивая границы последнего, мы тем самым возвращаемся к их определению, предложенному А. С. Щавелевым. То есть, нижняя временная граница «долгого» XII в. определяется смертью Ярослава Мудрого (1054 г.), случившейся в год «Великой Схизмы»¹⁴, а верхняя – монгольским нашествием 1237–1240/1241 гг., которое уже и само по себе было важным событием в мировой истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилкул Т. Л.* Известие «Повести временных лет» о Любечском снеме 1097 года: интерпретации и ошибочные чтения // *Славяноведение*. 2009. № 2. С. 16–24.
2. *Войтович Л.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 781 с.
3. *Галицько-Волинський літопис: текстологія / за ред. О. П. Толочка.* Київ: Академперіодика, 2020. 949 с.
4. *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев: Наукова думка, 1988. 136 с.
5. *Головко А. Б.* Князь Роман Мстиславич // *Вопросы истории*. 2002. № 12. С. 52–70.
6. *Головко О. Б.* Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ: Стилос, 2006. 575 с.
7. *Головко О. Б.* Русь і Польша в міжнародному житті Європи (X – перша половина XIII ст.). Київ, 2021. 600 с.
8. *Горовенко А. В.* Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 416 с.
9. *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 480 с.
10. *Данилевский И. Н.* Русские земли в правовой системе улуса Джучи // *Труды по русистике*. М., 2016. Вып. 6. С. 201–219.
11. *Димник М.* Любецький з'їзд князів и пониження статусу Олега Гориславича // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. Чернівці: Сіверянська думка, 1997. С. 14–20.
12. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в современной историографии. Часть 1 (до занятия киевского престола) // *Вопросы истории*. 2022. № 3 (2). С. 105–120.
13. *Карпов А. Ю.* Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. 386 с.
14. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. В трех книгах. Книга первая. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 608 с.
15. *Кореневский А. В., Николаева Н. Д.* Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «перемысливского кризиса» до гибели Романа Галицкого // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 410–422.
16. *Котышев Д. М.* От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX–XII вв. М.: Центрполиграф, 2019. 254 с.
17. *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.
18. *Михайлова Ю. А.* Отзыв на автореферат диссертации Николаевой Н.Д. «Русь и Запад в “долгом” XII веке: политика, религия, матримониальные союзы», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история. 3 с.
19. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
20. *Назаренко А. В.* К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с. // *Средневековая Русь*. Ч. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 164–193.
21. *Николаева Н. Д.* Князь Роман Мстиславич Галицкий: между реальной и «виртуальной» историей // *Утопические проекты в истории культуры на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиуто-*

¹⁴ Конечно, Н. Д. Николаева права, когда пишет, что «"Великая Схизма" 1054 г. практически не затронула Русь и ее политику» [24, с. 178], но, как говорится, «лиха беда начало».

- пии» (к 100-летию романа «Мы» Евгения Замятина): материалы III Всероссийской с международным участием научной конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 127–129.
22. Николаева Н. Д. Русь, Византия, Запад в XII в.: политико-религиозный диалог // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31640
 23. Николаева Н. Д. Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы: автореф. дисс. ... к.и.н.: 5.6.1. Ростов-на-Дону, 2022. 28 с.
 24. Николаева Н. Д. Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы: дисс. ... к.и.н.: 5.6.1. Ростов-на-Дону, 2022. 260 с.
 25. Петрухин В. Я. Древняя Русь, IX – 1263 г. М.: АСТ: Астрель, 2005. 190 с.
 26. Полное собрание русских летописей. Том I. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926–1928. 379 с.
 27. Пузанов В. В. Ордынское иго и исторические судьбы Руси // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / отв. ред. С. В. Напалков. Саров: Интерконтакт, 2017. С. 45–50.
 28. Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 744 с.
 29. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М.: Наука, 1982. 590 с.
 30. Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. 432 с.
 31. Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
 32. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах): Т. 4. История Российская. М.: Ладомир, 1995. 556 с.
 33. Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.
 34. Толочко А. П. Картонный меч. [Рец.:] Горovenko А. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011 // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. XI. Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. С. 201–217.
 35. Толочко А. Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // Palaeoslavica. Vol. 7. 1999. P. 26–38.
 36. Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. 38 с.
 37. Толочко О. П. Як починався Галицько-Волинський літопис? // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Лаурис, 2017. С. 414–422.
 38. Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. Україна крізь віки. Т. 4. Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 1998. 352 с.
 39. Толочко П. П. Любецький з'їзд князів // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. С. 9–13.
 40. Томашиівський С. Українська історія. Старинні і середні віки. Львів: Видавництво «Вчора і нині», 1919. 156 с.
 41. Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб.: Алетейя, 2017. 224 с.
 42. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 / под ред. Д. М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 671 с.
 43. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 269 с.
 44. Швец Ю. П. Монголо-татарское нашествие XIII в. и его влияние на Русь // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–3 (68). С. 232–235.
 45. Щавелев А. С. «Долгий XII век» Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 2 (10): Медиевистика: новые подходы к периодизации. URL: <https://history.jes.su/s207987840000299-7-1/>
 46. Юрасов М. К. Венгрия и русские княжества в XII в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.
 47. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970. 366 с.
 48. Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию. М.: Издательство МГУ, 1962. С. 204–221.
 49. Lind J. H. Collaboration and confrontation between East and West on the Baltic Rim as a result of the Baltic Crusades // Der Ostseeraum und Kontinentaleuropa 1100–1600. Schwerin, 2004. S. 123–126.
 50. Lind J. H. Mobilisation of the European Periphery against the Mongols: Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Visby, 2009. P. 75–90.
 51. Tolochko O. «All the Happy Families...» The Rurikids in the Eleventh Century // The Neighbours of Poland in the 11th Century. Warsaw: DIG, 2002. P. 155–168.

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой истории, философии и социальных технологий
Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»
346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
E-mail: ischenko-2010@mail.ru

A.S. Ischenko

HOW LONG WAS THE 12TH CENTURY OF ANCIENT RUS'?

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1087-1098

The idea of short and long centuries is quite firmly established in contemporary historiography, including Russian one. In relation to Ancient Rus', its 12th century, this idea was first applied by A. S. Shchhavelev, who determined the duration of the "long 12th century" from the era of Yaroslav the Wise to the Mongol-Tatar invasion. Considering the attempt of such an expansion of the chronological boundaries of the century unsuccessful, N. D. Nikolaeva proposed limiting the "long 12th century" of Ancient Rus' to 1096/1097–1204/1205. That is, the time from the preparation and holding of the Lyubech Congress to the death of Roman Galitsky - events that she correlated, respectively, with the beginning of the crusader movement in Europe and the conquest of Constantinople by the crusaders. This article raises doubts about the validity of such a correlation. It is shown that neither the Lyubech Congress, nor even the death of Roman Mstislavich had such an important significance in the history of Rus'. More natural chronological borders of the "long 12th century" of Ancient Russia are recognized as the death of Yaroslav the Wise (1054) and the Mongol-Tatar invasion of 1237–1240/1241, which in itself was an important event in the world history.

Keywords: "long 12th century", Lyubech Congress, Crusades, Roman Mstislavich, "Testament" of Yaroslav the Wise, Mongol invasion.

REFERENCES

1. *Vilkul T. L.* Izvestie «Povesti vremennyh let» o Lyubechskom sneme 1097 goda: interpretacii i oshibochnye chteniya [The news of the Tale of Bygone Years about the Lyubech dream of 1097: interpretations and erroneous readings] // *Slavyanovedenie*. 2009, № 2, p. 16–24. (In Russian).
2. *Voitovykh L.* Knyazha doba: portrety elity [Princely age: portraits of the elite]. Bila Tserkva: Vydavets Oleksandr Pshonkivskiy, 2006. 781 p. (In Ukrainian).
3. *Halytsko-Volynskiy litopys: tekstolohiia / za red. O.P. Tolochka* [Galician-Volyn Chronicle: textology]. Kyiv, Akadempriodika, 2020. 949 p. (In Ukrainian).
4. *Golovko A. B.* Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyah X – pervoj treti XIII vv. [Ancient Rus' and Poland in political relations X – first third of the XIII centuries]. Kiev, Naukova dumka, 1988. 136 p. (In Russian).
5. *Golovko A. B.* Knyaz' Roman Mstislavich // *Voprosy istorii*. 2002, vol. 12, p. 52–70. (In Russian).
6. *Golovko O. B.* Korona Danyla Halytskoho: Volyn i Halychyna v derzhavno-politychnomu rozvytku Tsentralno-Skhidnoi Yevropy rannoho ta klasychnoho serednovichchia [The Crown of Danylo Halytskyi: Volyn and Galicia in the State and Political Development of Central-Eastern Europe in the Early and Classical Middle Ages]. Kyiv, Stilos, 2006. 575 p. (In Ukrainian).
7. *Golovko O. B.* Rus i Polshcha v mizhnarodnomu zhytti Yevropy (X – persha polovyna XIII st.) [Russia and Poland in the international life of Europe (X – first half of the XIII century)]. Kyiv, 2021. 600 p. (In Ukrainian).
8. *Gorovenko A. V.* Vasiliy Tatishchev i «drevnie letopisi»: domongol'skaya Rus' glazami pervogo russkogo istorika [Vasiliy Tatishchev and the "ancient chronicles": pre-Mongolian Rus' through the eyes of the first Russian historian]. St Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2019. 416 p. (In Russian).
9. *Gorovenko A. V.* Mech Romana Galickogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendah [Sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavich in history, epic and legends]. St Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011. 480 p. (In Russian).
10. *Danilevskiy I. N.* Russkie zemli v pravovoy sisteme ulusa Dzhuchi [Russian lands in the legal system of the Ulus of Jochi] // *Trudy po rossievedeniyu*. Moscow, 2016. vol. 6, p. 201–219. (In Russian).
11. *Dimnik M.* Liubetskiy zizd kniaziv y ponyzhennia statusu Oleha Horyslavycha [The Lubet congress of princes and the lowering of the status of Oleg Horyslavych] // *Liubetskiy zizd kniaziv 1097 roku v istorychnii doli Kyivskoi Rusi: Materialy Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii, prysviachenoï 900-littiu zizdu kniaziv Kyivskoi Rusi u Liubechi*. Chernihiv: Siverianska dumka, 1997. P. 14–20. (In Ukrainian).

12. *Ishchenko A. S.* Vladimir Monomakh v sovremennoj istoriografii. Chast' 1 (do zanyatiya kievskogo prestola) [Vladimir Monomakh in contemporary historiography. Part 1 (before the accession of the Kiev throne)] // *Voprosy istorii*. 2022. vol. 3 (2), p. 105–120. (In Russian).
13. *Karpov A. Yu.* Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2015. 386 p. (In Russian).
14. *Klyuchevskiy V. O.* Russkaya istoriya. Polnyy kurs lekciy. V trekh knigah. Kniga pervaya [Russian history. Full course of lectures. In three books. Book one]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1998. 608 p. (In Russian).
15. *Korenevskiy A. V., Nikolaeva N. D.* Russko-pol'skie otnosheniya na izlome «dolgogo XII veka»: ot «pereyaslavskogo krizisa» do gibeli Romana Galickogo [Russian-Polish Relations at the Turn of the "Long XII century": from the "Pereyaslav Crisis" to the Death of Roman Galitsky] // *Nauchnyi dialog*. 2020, vol. 11, p. 410–422. (In Russian).
16. *Kotyshev D. M.* Ot Russkoi zemli k zemle Kievskoi. Stanovlenie gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'e. IX–XII vv. [From the Russian land to the land of Kyiv. Formation of statehood in the Middle Dnieper. IX–XII centuries]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2019, 254 p. (In Russian).
17. *Mayorov A. V.* Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII–XIII vv. [Rus', Byzantium and Western Europe: From the history of foreign policy and cultural relations of the XII–XIII centuries.]. St Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011. 800 p. (In Russian).
18. *Mihaylova Yu. A.* Otzyv na avtoreferat dissertatsii Nikolaevoy N. D. «Rus' i Zapad v “dolgom” XII veke: politika, religiya, matrimonial'nye soyuzy», predstavlennoy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk po special'nosti 5.6.1 – Otechestvennaya istoriya [Feedback on the dissertation abstract of Nikolaeva N. D. "Rus' and the West in the "long" XII century: politics, religion, matrimonial unions", submitted for the degree of candidate of historical sciences in the specialty 5.6.1 – Domestic history]. 3 p. (In Russian).
19. *Nazarenko A. V.* Dinasticheskiy proekt Vladimira Monomakha: popytka reform kievskogo stolonaslediya v 30-e gody XII veka [Vladimir Monomakh's dynastic project: an attempt to reform the Kiev succession in the 30 years of the XII century] Nazarenko A. V. *Drevniaya Rus i slaviane (Drevneishye gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god)*. Moscow, Russian Fund of Assistance to Education and Science, 2009. P. 88–102. (In Russian).
20. *Nazarenko A. V.* K probleme knyazheskoj vlasti i politicheskogo stroya Drevney Rusi. Zamechaniya i razmyshleniya po povodu knigi: Tolochko A. P. *Knyaz' v Drevney Rusi: Vlast', sobstvennost', ideologiya*. Kiev, 1992. 224 s. [To the problem of princely power and the political system of Ancient Rus'. Comments and reflections on the book: Tolochko A.P. *Prince in Ancient Rus': Power, property, ideology*. Kyiv, 1992. 224 p.] // *Srednevekovaya Rus'*. Part 2. Moscow, Editorial URSS, 1999. P. 164–193. (In Russian).
21. *Nikolaeva N. D.* Knyaz' Roman Mstislavich Galickiy: mezhdru real'noy i «virtual'noy» istoriey [Prince Roman Mstislavich Galitsky: between real and "virtual" history] // *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury na temu «(Ne)vozmozhnye miry: nastoyashchee i budushchee v zerkale antiutopii» (k 100-letiyu romana «My» Evgeniya Zamyatina): materialy III Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferencii*. Rostov on Don; Taganrog, Southern Federal University Publ., 2021. P. 127–129. (In Russian).
22. *Nikolaeva N. D.* Rus', Vizantiya, Zapad v XII v.: politiko-religioznyj dialog [Rus', Byzantium, the West in the XII century: political and religious dialogue] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019, vol. 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31640 (In Russian).
23. *Nikolaeva N. D.* Rus' i Zapad v «dolgom» XII veke: politika, religiya, matrimonial'nye soyuzy: avtoref. diss. ...k.i.n.: 5.6.1. [Rus' and the West in the "long" XII century: politics, religion, matrimonial unions]. Rostov on Don, 2022. 28 p. (In Russian).
24. *Nikolaeva N. D.* Rus' i Zapad v «dolgom» XII veke: politika, religiya, matrimonial'nye soyuzy: diss. ...k.i.n. 5.6.1. [Rus' and the West in the "long" XII century: politics, religion, matrimonial unions]. Rostov on Don, 2022. 260 p. (In Russian).
25. *Petruhin V. Ya.* Drevnyaya Rus', IX – 1263 g. [Ancient Rus', IX – 1263]. Moscow, AST: Astrel', 2005. 190 p. (In Russian).
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom I. Lavrent'evskaya letopis'* [The complete collection of Russian Chronicles. Volume 1. The Laurentian Chronicle]. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1926–1928, 379 p. (In Russian).
27. *Puzanov V. V.* Ordynskoe igo i istoricheskie sud'by Rusi [The Horde yoke and the historical fate of Rus'] // *Edinaya rossiyskaya naciya: problemy formirovaniya ee identichnosti: sbornik statey uchastnikov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii (25–27 oktyabrya 2017 g.) / otv. red. S. V. Napalkov*. Sarov, Interkontakt, 2017. P. 45–50. (In Russian).
28. *Puzanov V. V.* Ot praslavian k Rusi: stanovlenie drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Rus': the formation of the ancient Russian state (factors and images of politogenesis)]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 744 p. (In Russian).
29. *Rybakov B. A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vekov [Ancient Russia and Russian principalities of the XII–XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 590 p. (In Russian).
30. *Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb / Issled. i podg. tekstov N. I. Milyutenko* [Holy princes-martyrs Boris and Gleb]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2006. 432 p. (In Russian).

31. *Seleznov Yu. V.* Russkie knyaz'ya v sostave pravnyashchey elity Dzhuchieva Ulusa v XIII–XV vv. [Russian princes as part of the ruling elite of the Dzhuchiev Ulus in the XIII–XV centuries] Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 p. (In Russian).
32. *Tatishchev V. N.* Sobranie sochineniy: V 8-mi tomah (5-ti knigah): T. 4. Istoriya Rossiyskaya [Collected works: In 8 volumes (5 books): V. 4. History of Russia]. Moscow, Ladimir, 1995. 556 p. (In Russian).
33. *Tolochko A. P.* «Istoriya Rossiyskaya» Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya ["Russian History" by Vasily Tatishchev: sources and news]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie; Kiev, Kritika, 2005. 544 p. (In Russian).
34. *Tolochko A. P.* Kartonnny mech. Rec.: Gorovenko A. Mech Romana Galickogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendah [Cardboard sword. Book review: Gorovenko A. Sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavich in history, epic and legends]. St Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011 // Ruthenica. Shchorichnik seredn'ovichnoy istorii ta arheologii Skhidnoy Evropi. Vol. XI. Kyiv, History Institute of Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2012. P. 201–217. (In Russian).
35. *Tolochko A.* Pohvala ili Zhitie? (Mezhdru tekstologiej i ideologiej knyazheskih panegirikov v drevnerusskom letopisani) [Praise or Life? (Between textology and the ideology of princely panegyrics in ancient Russian chronicle writing)] // Palaeoslavica. Vol. 7, 1999, 26–38. (In Russian).
36. *Tolochko O. P.* Rus': derzhava i obraz derzhavi [Rus': the state and the image of the state]. Kyiv, 1994. 38 p. (In Ukrainian).
37. *Tolochko O. P.* Yak pochynavsia Halytsko-Volynskiy litopys? [How did the Galician-Volyn Chronicle begin?] // Kulturnyi shar. Statti na poshanu Hliba Yuriiovycha Ivakina. Kyiv: Laurus, 2017. P. 414–422. (In Ukrainian).
38. *Tolochko O. P., Tolochko P. P.* Kyivska Rus: Ukraina kriz viky. T. 4 [Kievan Rus: Ukraine through the ages. Vol. 4]. Kyiv, Alternatyvy Publ, 1998. 352 p. (In Ukrainian).
39. *Tolochko P. P.* Liubetskyi zizd kniaziv [Lubetsk congress of princes] // Liubetskyi zizd kniaziv 1097 roku v istorychnii doli Kyivskoi Rusi: Materialy Mizhnarodnoi naukovo konferentsii, prysviachenoj 900-littiu zizdu kniaziv Kyivskoi Rusi u Liubechi. Chernihiv: Siverianska dumka, 1997. P. 9–13. (In Ukrainian).
40. *Tomashivskiy S.* Ukrainska istoriia. Starynni i seredni viky [Ukrainian history. Ancient and Middle Ages]. Lviv, Vidavnytstvo «Vchora i nini», 1919. 156 p. (In Ukrainian).
41. *Florya B. N.* U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII vek) [At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century)]. St. Petersburg, Aleteiya, 2017. 224 p. (In Russian).
42. *Franklin S., Shepard D.* Nachalo Rusi: 750–1200 / pod red. D. M. Bulanina [Beginning of Rus': 750–1200]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009. 671 p. (In Russian).
43. *Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu.* Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi [City-states of Ancient Rus']. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988, 269 p. (In Russian).
44. *Shvec Yu. P.* Mongolo-tatarskoe nashestvie XIII v. i ego vliyanie na Rus' [Mongol-Tatar invasion of the XIII century and its influence on Rus'] // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010, vol. 4–3 (68), p. 232–235. (In Russian).
45. *Shchavalev A. S.* «Dolgiy XII vek» Drevney Rusi ["Long XII century" of Ancient Rus'] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2012. T. 3. Vypusk 2 (10): Medievistika: novye podhody k periodizacii. URL: <https://history.jes.su/s207987840000299-7-1/> (In Russian).
46. *Yurasov M. K.* Vengriya i russkie knyazhestva v XII v. [Hungary and Russian principalities in the XII century] Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ, 2019. 496 p. (In Russian).
47. *Yanin V. L.* Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv. T. I. [Act seals of Ancient Rus' X–XV centuries. T. I]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 366 p. (In Russian).
48. *Yanin V. L., Litavrin G. G.* Novye materialy o proiskhozhdenii Vladimira Monomaha [New materials about the origin of Vladimir Monomakh] // Istoriko-arheologicheskij sbornik. A. V. Archihovskomu k 60-letiyu [Historical and archaeological collection. A. V. Artsikhovsky on the occasion of his 60th birthday]. Moscow, MGU, 1962. P. 204–221 (In Russian).
49. *Lind J. H.* Collaboration and confrontation between East and West on the Baltic Rim as a result of the Baltic Crusades // Der Ostseeraum und Kontinentaleuropa 1100–1600. Schwerin, 2004. S. 123–126.
50. *Lind J. H.* Mobilisation of the European Periphery against the Mongols: Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Visby, 2009. P. 75–90.
51. *Tolochko O.* «All the Happy Families...» The Rurikids in the Eleventh Century // The Neighbours of Poland in the 11th Century. Warsaw: DIG, 2002. P. 155–168.

Received 20.05.2023

Ischenko A.S., Candidate of History, Associate Professor,
 Head of the Department of History, Philosophy and Social Technologies
 Novocherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation
 Don State Agrarian University
 Pushkinskaya st., 111, Novocherkassk, Russia, 346428
 E-mail: ischenko-2010@mail.ru